

## Деревянные куклы – идолы из собрания ЧерМО – «Тётя Аня» и «Дедо Саша». По материалам экспедиционной работы 1930-х годов

В настоящее время наблюдается всё возрастающий интерес к такому объекту культуры, как текстильная кукла. В стремлении возродить традиционную игрушку исследователи обращаются к разнообразным источникам. Подлинные этнографические образцы, сохранившиеся в музеях, в сочетании с устными рассказами живых носителей культуры дают богатый информационный материал, результаты осмыслиения которого мы видим в современной литературе. Большой интерес для исследователя представляют экспедиционные материалы, собранные в те времена, когда этнографические комплексы бытовали в естественной среде, «когда верования в языческих божеств не только уживались в официальной принятой христианской вере, но и нередко её дополняли».<sup>1</sup> Авторы единодушно отмечают символичность кукольных образов и архаичность их формы. Рассматривая различные материалы, из которых создаётся игрушка, в частности текстильная кукла, исследователи видят в ней некую единую, подчас скрытую, основу, отсылающую нас к древнейшим пластам истории человечества. Конструктивная основа текстильной куклы напрямую связана с давними языческими образами, а именно, с деревянными идолами.

Русская тряпичная кукла включает в себя несколько архетипов, сформированных традицией. Столбушка (столбец, полено, чурка), крестушка или крестец, кукла на палочке, узловая (узелковая), пленашка, закрутка (скрутка, скатка, скалка), набивная кукла – мешочек – все они одновременно бытовали в XIX – первой половине XX веков в деревне и малых провинциальных городах. Каждый в свою очередь имеет множество локальных вариантов, характерных для той или иной местности.<sup>2</sup> В основе тряпичной куклы на Русском Севере часто лежит деревянная палочка или заменяющий её плотно свёрнутый кусок ткани, имитирующий твёрдую основу.<sup>3</sup> По мнению А.К. Чекалова, «в каждой архангельской кукле просвечивает надмогильный крест».<sup>4</sup> Известно, что деревянные изображения в играх принято было одевать в платья, это, по мнению учёных, явный отголосок связи куклы с древней столбообразной культовой скульптурой из дерева.<sup>5</sup>

Людмила Орлова приводит в своей книге<sup>6</sup> конструкцию пяти тряпичных кукол из д. Черная Гора Красноборского района Архангельской области. Они выполнены 70-летней Августой Ивановной, её 80-летней соседкой и 12-летней Машей Красильниковой. Деревянная основа, представляющая собой довольно грубо сработанную дощечку антропоморфной формы, тщательно скрыта под тряпками, а потом обшита.

Дерево, введённое во внутреннюю конструкцию, служит одновременно и вспомогательным материалом, благодаря которому кукла обретает устойчивость, и выполняет некую обрядовую роль, возможно, не осознаваемую авторами. «Использование дерева как основы конструкции связано с символикой самого материала, с тем местом, которое он занимал в культуре».<sup>7</sup> Дерево в традиционной культуре было мужским материалом.

«Внутри одетой бытовой куклы, игрушки-самоделки, скрывается её основа – идол, дух предка» и происходит она «от общего магического пращура».<sup>8</sup>

Изучая экспедиционные материалы середины и второй половины 1930-х годов, собранные сотрудниками Череповецкого краеведческого музея<sup>9</sup> Корнелием Константиновичем Морозовым и Клавдией Михайловной Бухариной, мы натолкнулись на любопытные экспонаты, представляющие интерес в контексте конференции «Вологодская тряпичная кукла» и связанные с первоосновой традиционной

куклы. В период с 1934 по 1937 год Череповецким краеведческим музеем было проведено несколько комплексных экспедиций в разные районы Вологодской области. В частности, с 3 июля по 3 августа 1937 г. была проведена экспедиция Череповецкого музея в Чарозерский район. Научные сотрудники совместно с археологами и турпоходом Череповецкого Детского Дома культуры, сопровождающим экспедицию с 3 по 12 июля 1937 г., обследовали большой куст деревень Чарондского, Кирючского, Чепецкого, Кречетовского, Медведовского, Пальченского и Чарозерского сельсоветов и размытые неолитические стоянки на берегу озера Воже. В экспедиционную опись включено 1187 предметов подъемного материала и более сотни предметов этнографии.

В спектр изучения вошли: д. Погорелово Пальченского с/с, д. Лаптево, Медведево Медведевского с/с, д. Максимово, Федыково, Ивановское, Ившино Чепецкого с/с, д. Дергуново, Кречетово, Слободка Кречетовского с/с, д. Наталякса Кирючевского с/с, с. Чаронда Чарондского с/с Чарозерского района; д. Колесово Ракуловского с/с, д. Волоктова Чарондского района.

Участников экспедиции интересовали крестьянская одежда, предметы быта, домашняя утварь, орудия труда, игрушки, типы жилых построек с точки зрения принадлежности их владельцев к классу «бедняков», «середняков», «богачей», что подтверждается пометами в описях. Многочисленные находки можно объединить в комплексы или блоки. К примеру, в блок: «детское имущество», куда кроме чепчика, рубашки-распашонки, детского пеленальника, сшитого из лоскутов домотканой крашенины с набойкой, соски – «титьки» из рога, вошли игрушки – берестяной мяч, костяные игрушки и 3 зольные куклы.<sup>10</sup> Но самые необычные экспонаты составили блок «народная магия». У колхозницы Паршичевой, к примеру, был куплен так называемый «Урочный камень» – кремневая конкреция. Местное население применяло его при купании ребёнка с целью сохранения его здоровья. У колхозницы Ново-жиловой Марии Ефимовны из дер. Максимово Чепецкого с/с Чарозерского района был взят «Куриный бог» или «Куриный талисман», представляющий собой кусок известняка, размером 3x3 см, который, по рассказам местных жителей, подкладывался в куриное гнездо с целью повышения носкости яиц. Все эти предметы, являющиеся отголосками древних языческих верований, использовались местными жителями в домашней магии до конца 1930-х годов, а в ряде случаев и до 1940-х.

Особый интерес представляют два замечательных памятника деревянной скульптуры, найденных во время экспедиции в Чарозерский район. Так называемый, «Дедо Саша» – был куплен за 10 рублей в дер. Якимово Чарозерского района. В экспедиционной описи он отмечен как дух предка, охраняющий жилище и его хозяина, датируется 1880 годом. В этом же, 1937 году, в д. Горка Шалдо-Бодуновского с/с Чарозерского района у крестьянина Естюничева Арсения куплена за 3 руб. так называемая «Тетя Аня» или «Баба кислогубая».

Каждый из этих памятников представляет собой изображение человека, вырезанное из ствола с круглым каповым наростом, причем тонкий стержень ствола по своей высоте близок к человеческому росту. «Памятники стояли когда-то во дворе дома, наподобие больших древних идолов».<sup>11</sup> Оба идола одеты в обычную крестьянскую одежду, которая укреплялась на стержне при помощи поперечных планок.

Женское изображение было задрапировано в сарафан-пятишовник и платок из синей крашенины. На голове мужской статуи была надета войлочная шляпа. «О том, что эти изображения не являлись обычными «пугалами» для птиц, свидетельствует кроме тщательности выполнения голов, особенно женской, бережное и почтительное отношение к ним со стороны владельцев. Хотя в начале 30-х годов эти изваяния уже не использовались, их хранили на чердаках и продавали музейным сотрудникам с большой неохотой и сомнениями».<sup>12</sup> «Статуи имели имена, и это указывает, видно, на то, что они изображали собой конкретных лиц. Об этом говорит также, несомненно, портретный облик женской головы, с близко поставленными глазами, прямым носом, несколько скорбным выражением слегка выпяченных губ».<sup>13</sup> По устному замечанию антрополога М.В. Витова, лицо довольно верно воспроизвело характерный для местного населения тип. Мужское лицо, в отличие от женского, сохранило следы раскраски. Стилистически головы решены различно. Голова деда вырублена топором, очень схематична и напоминает собой примитивные деревянные идолы, найденные при раскопках на Севере и Урале.<sup>14</sup>

Известный исследователь деревянной скульптуры А.К. Чекалов считает, что «древнейший ритуальный образ головы не стерже́н отражение также в навершиях посохов, игравших важную роль во многих обрядах.<sup>15</sup> Сохранились свидетельства о том, что фигура «Тети Ани» бытова́ла в крестьянском обиходе до 1934 года. Применялась ряжеными при хождении на «беседы».

Фигура, по свидетельству местных жителей, одевалась в одежды покойницы или же в домотканый женский костюм (сарафан, визитка, платок). На «бессдах» девушки подносили для целования обряженную фигуру. Сохранилась и одежда для одевания этого скульптурного персонажа. Это визитка домотканая, синяя, с жёлтыми и белыми листьями, бытова́ла в крестьянском обиходе до 1930 г., куплена за 12 руб. в дер. Горка Шалдо-Бодуновского с/с Чарозерского района у крестьянина Квашничева Григория Никитича.

Голова «тети Ани» находит довольно близкие аналогии среди новгородских находок. Например, скульптурная голова XII века, по описаниям археологов, имеет продолговатое лицо с высоким лбом, прямой нос, тонкие губы, «наглое и извильное выражение лица»<sup>16</sup> техника резьбы в обоих случаях сходна: тонкая и мелкая разработка деталей, тщательное заглаживание поверхности. По утверждению А.В. Арциховского, новгородская голова имеет портретный характер. В отличие от чарозерского, она миниатюрна по размеру, а её стержень был укреплен на особом постаменте. Таких головок на постаментах найдено в Новгороде немало. По мнению авторов находок, «они служили для украшения помещения или были связаны с культом домовых». Последнее, по-видимому, является более правильным».<sup>17</sup>

Выполненные в конце XIX века скульптуры «Лесной шайтан», «Леший», «Дедо Саша» и «Тетя Аня» обнаруживают немало общего с изваяниями, которые находят археологи при раскопках в Новгороде. Так, личина «Тетя Ани» очень похожа на многочисленные изображения домовых X-XII веков. Их найдено более полутора сотен, но сказать что-либо конкретное о них археологи пока затрудняются. Личины на палочках, вероятно, были почитаемы в X-XIII веках, когда в Новгороде язычество сосуществовало едва ли не наравне с христианством, выражаясь в почитании различных духов-покровителей, защитников семьи от злой силы. Подобно идолам, описанным Ибн Фадланом, или «Лесному шайтану» из Пермской государственной художественной галереи, эти головы на палочках могли быть воткнуты в землю, щель доски на полу или укреплены каким-либо другим сходным образом. Для изготовления домовых брали сучок с комлем, из шишки которого получалось изображение лица».<sup>18</sup>

Можно предположить, что древние изображения домашних божков или домовых развивались двояким путём. С одной стороны, сохранялась традиция портретных изображений, причем наиболее естественным было изображать голову в натуральную величину, наиболее монументальные изваяния слились, вероятно, с более древней формой столбов-идолов. С другой стороны, «настольные» фигурки превращались постепенно в детали бытовых предметов (стамики, стоячки швеек и т.д.) или в игрушки.<sup>19</sup>

Культ предков и культ домовых, как известно, зачастую сливалась воедино. Так, по сведениям М.И. Артамонова, обследовавшего район Мологи в 1926 году, «представление о домовом и дворовом еще живет в массах, и представляются они как бы двойниками хозяина»<sup>20</sup>. В Дмитровском районе Московской области домовые «Хозяин» и «Хозяйка» именовались «Иваном да Марьей» и призывались на помощь при постройке дома.<sup>21</sup> Возможно, что чарозерские головы являлись такими образами, воплощёнными в скульптурную форму.<sup>22</sup>

С угасанием языческих верований символический смысл деревянного ваяния оттесняется на второй план. Скульптурный предмет утрачивает прямое ритуальное культовое назначение и выступает в качестве функционально-практической вещи или детали постройки, но в особенностях художественно-орнаментального решения угадывается зависимость от прежней системы пластических символов. В этой извечности скрытой темы, всегда пропускающей сквозь позднейшие слои и мотивы, темы рода или рока – один из важнейших признаков народного искусства. В нём каждое частное явление сопровождается, как в обрядовом пении, монотонно гудящим хоровым, вселенным напевом.<sup>23</sup>

#### ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Орлова Л. Куклы и люди. Киев, издательский дом «Стилос», 2011, Деревянные идолы в куклах, с. 131.
2. Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. М., 2007, с. 12.
3. Там же.
4. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 6.
5. Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. М., 2007, с. 12.
6. Орлова Л. Куклы и люди. Киев, издательский дом «Стилос», 2011, Деревянные идолы в куклах.
7. Комарова С., Катушкин М. Кукольные люди: культурологический очерк. – СПб., 1999, с. 56.
8. Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. М., 2007, с. 8.
9. В 1991 г. переименовано в МУК «Череповецкое музейное объединение».
10. Весь сбор был сделан у бывшей кулачки Севастьяновой Александры Федоровны. Зольные куклы подарены детьми Гусевой Елены Васильевны, дер. Максимово Чепецкого с/с Чарозерского района.
11. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 35.
12. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 34.
13. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 33.
14. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 34.
15. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 34.
16. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 35.
17. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 34.
18. Русская народная скульптура. Сост. Н.Н. Померанцев, С.И. Масленицын. М., Изобразительное искусство, 1994, с. 6-7.
19. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 35.
20. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 35.
21. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974, с. 35.
22. Русская народная скульптура. Сост. Н.Н. Померанцев, С.И. Масленицын. М., Изобразительное искусство, 1994, с. 14-15, 28.
23. Русская народная скульптура. Сост. Н.Н. Померанцев, С.И. Масленицын М., Изобразительное искусство, 1994, с. 7-8.